

Размышляя об этом, Дуаньму Уцзи почувствовал, как в его сердце странно смешались горечь и тепло.

Яд, которым он отравлен... Да разве существует способ избавиться от него на самом деле? Всё это лишь бессмысленная трата неисчислимых сил и средств, чтобы продлить его жалкое существование ещё на один день, ещё на один...

И всё же, даже зная это, Цзинь Чань'эр продолжала настаивать и даже доверила ему эту девочку...

— Верно, госпожа Цзинь попросила меня прийти, — ответила Янь Лян. — Молодой господин Дуаньму, будьте так добры, позвольте мне прощупать ваш пульс.

По сравнению с Цзинь Чань'эр, Янь Лян была куда более близка с Дуаньму Уцзи и вела себя перед ним ещё более непринуждённо, чем перед своей покровительницей.

Дуаньму Уцзи кивнул и протянул запястье:

— Благодарю вас, госпожа.

Янь Лян, не церемонясь, взяла его руку и нащупала пульс:

— Молодой господин, вы мне не доверяете?

Дуаньму Уцзи...

Он не ожидал, что эта девочка окажется настолько прямолинейной, и на мгновение растерялся, не зная, как лучше ответить. О доверии, конечно, речи не шло. Хотя Янь Лян с первого взгляда казалась личностью незаурядной, Дуаньму Уцзи уже давно потерял всякую надежду после бесчисленных неудач последних двух лет. Чем больше он узнавал о своём яде, тем яснее понимал, сколь ничтожны шансы на исцеление. Тем более, Янь Лян была ещё слишком юна...

Но как можно было высказать это вслух человеку, которого специально пригласила Цзинь Чань'эр?

— Ладно, я просто спросила, вам не нужно ломать голову над ответом, — Янь Лян, даже не глядя на него, словно читала его мысли. — Помолчите, так мне будет удобнее сосредоточиться.

Дуаньму Уцзи...

Эта госпожа... почему она ведёт себя так, будто они давно знакомы?

— В этой жизни вам всё же повезло, — закончив осмотр, Янь Лян убрала руку. — Вы встретили меня до того, как яд Пурпурно-золотого скорпиона начал распространяться.

Выражение лица Дуаньму Уцзи дрогнуло.

Он никак не ожидал, что за столь короткое время услышит из уст Янь Лян полное название — «яд Пурпурно-золотого скорпиона». Эта госпожа знала, чем он отравлен?!

Янь Лян же, совершенно не обращая внимания на его изумление, продолжила:

— Дайте мне нефритовую чашу и нефритовый нож.

Эти предметы имелись в тайной комнате. Дуаньму Уцзи на мгновение замер, затем привёл в действие скрытый механизм и извлёк оттуда чашу из зелёного нефрита и нож из красной яшмы, передав их Янь Лян.

Его сердце в этот момент было далеко не спокойно.

Янь Лян смогла поставить диагноз с одного прикосновения, да ещё и говорила с такой уверенностью и лёгкостью. Неужели у неё в самом деле есть способ справиться с этим проклятым ядом, который мучил его почти два года?!

Янь Лян приняла предметы, поставила нефритовую чашу на ледяной стол в тайной комнате и, взяв красный яшмовый нож, провела им по своему запястью. Алая кровь тут же хлынула из разреза, наполняя нефритовую чашу.

Дуаньму Уцзи вздрогнул:

— Госпожа, что вы...?

— Мы с вами плывём в одной лодке, — голос Янь Лян по-прежнему оставался ровным, словно для неё не было ничего необычного в том, чтобы маленькой девочке спокойно пускать себе кровь. — Вы отравились ядом Пурпурно-золотого скорпиона, и я тоже. Только вы стали жертвой подлого нападения, а я получила этот яд ещё в утробе матери, когда отравили её, и он растворился в моей крови.

— Моя мать была Драгоценной наложницей Чжу, той самой знаменитой роковой красавицей династии Дажун, — продолжила Янь Лян. — Она была несчастнее меня, да ещё и глупее. Едва войдя во дворец, она стала мишенью в руках императора Цяньина и превратилась в объект ненависти всего гарема. Её отравление было медленным: с самого первого дня и до самой смерти, когда ослеплённый мужчина велел казнить её, ей постоянно подсыпали яд.

— Поэтому даже после её кончины признаки отравления проявились не сразу. Я провела в её утробе десять месяцев, всё это время питаюсь этим ядом, так что с рождения он стал частью моей крови и с тех пор ни на йоту не уменьшился.

— Однако он пока не причиняет мне вреда. Напротив, моя кровь может стать противоядием от яда Пурпурно-золотого скорпиона. Яд против яда — так такие же несчастные, как вы, могут исцелиться.

К этому времени Янь Лян уже наполнила нефритовую чашу. Она достала из своей маленькой котомки инструменты и снадобья, чтобы остановить кровь, а затем передала полную чашу Дуаньму Уцзи:

— Пейте, пока тёплое. Если остынет, придётся набирать новую, а у меня не так много крови, чтобы её транжирить.

Дуаньму Уцзи...

В этот миг его сердце, подобно сердцу Цзинь Чань'эр днём ранее, будто взорвалось бурей.

Каждое слово Янь Лян звучало нарочито обыденно и скучно, но смысл, скрытый в этих словах, был попросту... невероятен.

Дуаньму Уцзи вдруг вспомнил, что Янь Лян назвала своё имя — Янь Лян... Янь!

Перед ним стояла та самая легендарная несчастливица, Седьмая принцесса династии Дажун!

Дуаньму Уцзи, будущий великий человек, хотя и не мог мгновенно переварить всё услышанное, быстро взял себя в руки и тихо поблагодарил:

— Благодарю вас, госпожа.

Затем он поднёс чашу к губам и выпил всю кровь до капли.

Эффект проявился почти мгновенно. Дуаньму Уцзи тут же почувствовал, как все его меридианы начали разогреваться, а внутри будто пробудилась невероятно мощная сила, жаждущая прорвать оковы, сковавшие его ядом Пурпурно-золотого скорпиона.

Не раздумывая, Дуаньму Уцзи вновь взобрался на ледяное ложе и принялся медитировать, направляя внутреннюю энергию, чтобы помочь крови растворить и изгнать из тела засевший там яд.

Уезд Хэйянь.

Поскольку они гостили в доме Чжуан, Му Цинмянь не хотела жить за чужой счёт, ничего не предлагая взамен. В последние дни из-за налётов разбойников количество пострадавших в уезде Хэйянь резко возросло, и Чжуан Чуаньсюй, помогая своему дяде — местному чиновнику, — занимался утешением жителей.

Поэтому Му Цинмянь сама вызвалась присоединиться к тем, кто лечил пострадавших.

Прошло уже почти полмесяца, и большинство раненых были устроены. Искусство Му Цинмянь было поистине выдающимся, и слух о божественной целительнице постепенно разнёсся по всему уезду.

Сегодня Янь Лян уже уехала, и Му Цинмянь, освободившись от постоянной заботы о таинственном яде в её теле, обрела больше свободного времени. Она решила навестить несколько семей, которые пострадали сильнее прочих.

Чжуан Чуаньсюй тут же согласился и велел своей старшей служанке Ин Тао, которая всё это время приглядывала за Му Цинмянь, сопровождать её вместе с четырьмя охранниками из дома Чжуан.

Те семьи, которых Му Цинмянь уже вылечила, были безмерно благодарны, и когда целительница сама пришла проверить их состояние, их признательность не знала границ. Одна пожилая женщина, сжимая в своих морщинистых руках руку Му Цинмянь, повторяла со слезами на глазах:

— Богиня, вы словно сошли с небес!

Му Цинмянь...

Хотя она уже две недели находилась в уезде Хэйянь, местный диалект всё ещё оставался для неё тайной за семью печатями.

Но она примерно поняла, что хочет сказать старушка, и жестом подозвала Ин Тао, чтобы та успокоила её. Местные жители понимали друг друга куда лучше.

Ин Тао, владевшая как официальным языком Дажун, так и местным наречием, за эти дни

оказала Му Цинмянь неоценимую помощь.

Обойдя несколько домов, они заметили, как небо начало темнеть. Му Цинмянь взглянула на закат и сказала Ин Тао:

— Возвращаемся в дом Чжуан.

— Слушаюсь! — отозвалась Ин Тао и, кивнув охранникам, повернула обратно.

Но не успела Му Цинмянь выйти из переулочка, где находился последний дом, как её путь преградила незнакомка.

Это была женщина примерно её лет, в тёмно-фиолетовом платье, с изящным станом. Глубокий фиолетовый вуаль скрывал её лицо, оставляя на виду лишь пару выразительных, многообещающих глаз, что придавало ей налёт загадочности.

И взгляд её был направлен прямо на Му Цинмянь.

<http://bllate.org/book/16273/1465075>